

ЕВРОПЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Владимир Гельман

Политические основания
«недостойного правления»
в постсоветской Евразии:
наброски
к исследовательской
повестке дня
Препринт М-49/16

**Центр исследований
модернизации**

Санкт-Петербург
2016

УДК 321.6/.8+323

ББК 66.3(0)7

Г 32

Гельман В. Я.

Г 32 Политические основания «недостойного правления» в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня / Владимир Гельман: Препринт М-49/16 — СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2016. — 34 с. — (Серия прerinтов; М-49/16; Центр исследований модернизации).

Почему качество государственного управления в некоторых странах гораздо хуже, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня их социально-экономического развития? В особенности, почему многие страны постсоветской Евразии, согласно многочисленным международным оценкам качества государственного управления, находятся на одном уровне с бедными и слаборазвитыми странами Третьего мира и намного отстают от посткоммунистических стран Восточной Европы? Поиски ответов на эти вопросы требуют от исследователей углубленного анализа факторов и механизмов, обуславливающих становление и развитие «недостойного правления» (bad governance). В работе сформулированы тезисы о механизмах становления и развития «недостойного правления», обсуждаются объяснения этого феномена в постсоветских странах, связанные с «наследием прошлого», динамикой режимных изменений и эффектами международного воздействия. Также дискутируются возможные пути и способы преодоления «недостойного правления» в постсоветской Евразии и выдвинуты некоторые соображения о направлениях дальнейших исследований этого феномена.

Работа выполнена в рамках проекта Choices of Russian Modernization при поддержке Академии наук Финляндии.

Информация об авторе: Владимир Яковлевич Гельман (vgelman@eu.spb.ru) — кандидат политических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Finland Distinguished Professor, Aleksanteri Institute, University of Helsinki.

Почему качество государственного управления в некоторых странах гораздо хуже, чем можно было бы ожидать, исходя из уровня их социально-экономического развития? В особенности, почему многие вполне развитые страны постсоветской Евразии,¹ согласно многочисленным международным оценкам качества управления — как интегральным, так и посвященным отдельным проблемам (таким как коррупция, верховенство права, права собственности), — находятся на одном уровне с бедными и слаборазвитыми странами Третьего мира и намного отстают от посткоммунистических стран Восточной Европы?² (см. обзор: Zaostrovsev, 2016). Поиски ответов на эти вопросы требуют от исследователей углубленного анализа факторов и механизмов, обуславливающих становление и развитие «недостойного правления» (bad governance) в странах постсоветской Евразии, без чего невозможны аргументированные обсуждения путей и способов преодоления данных тенденций.

Настоящая работа призвана нащупать некоторые направления анализа этой проблемы, весьма значимой как в академическом, так и в при-

¹ Под постсоветской Евразией в соответствии со складывающейся практикой понимаются страны и регионы на территории бывшего СССР за вычетом стран Балтии.

² Так, Corruption Perceptions Index, опубликованный по итогам 2015 года международной организацией Transparency International, отводит России и Азербайджану по уровню восприятия коррупции 119-е место в мире (из 168 возможных) наряду с такими странами, как Гайана и Сьерра-Леоне. Украина в этом списке находилась еще ниже, на 130-м месте (Corruption, 2015).

кладном аспекте. Правильная постановка диагноза хотя и не гарантирует успешного лечения тяжелой и опасной болезни, но все же позволяет понять, в какой мере болезнь «недостойного правления» вообще может быть поставлена под контроль в обозримом будущем. В чем ее общие причины и региональные либо страновые особенности? Почему и как «недостойное правление» по-разному проявляет себя в различных политических и институциональных контекстах? И почему одни попытки его преодоления оказываются более успешными, чем другие? В самом деле, клиническая картина болезни не столь однозначна. Постсоветская Евразия, несмотря на неприглядную в целом картину «недостойного правления», демонстрирует существенные вариации этого явления и в пространстве (как, например, «история успеха» некоторых преобразований в Грузии), и во времени (как, скажем, попытки улучшения качества государства, предпринятые в начале 2000-х годов в России и позднее свернутые), и в различных сферах управления. Чтобы объяснить эти и другие вариации, необходимы переоценка и/или более пристальное рассмотрение используемых в литературе подходов и предложение новых рамок анализа «недостойного правления» в регионе и в современном мире в целом. В этом и состоит задача данной работы, которая отчасти продолжает логику предыдущего препринта (Гельман, 2015), но стремится перейти от попытки целостной характеристики политико-экономического порядка в постсоветской Евразии к изучению конкретных проявлений этого порядка в отношении государственного управления. Она, таким образом, призвана определить исследовательскую повестку дня и стать следующим шагом на пути поисков эмпирического объяснения феномена «недостойного правления» в теоретическом и сравнительном контексте.

Структура данной работы такова. После введения, в котором представлены основные термины, рабочие определения и отмечаются общие и частные вопросы исследования, далее сформулированы тезисы о механизмах становления и развития «недостойного правления» и обсуждаются существующие объяснения «недостойного правления» в постсоветских странах, которые связаны с «наследием прошлого», динамикой режимных изменений и эффектами международного воздействия (или, скорее, отсутствием таковых эффектов). В заключении дискутируются возможные пути и способы преодоления «недостойного правления» в постсоветской Евразии и выдвинуты некоторые соображения о направлениях дальнейших исследований этого феномена.

«Недостойное правление» как оно есть

Хотя вопрос о причинах и механизмах «недостойного правления» находится в центре внимания политической науки со времен Макиавелли, если не Аристотеля, современные дискуссии вокруг этого феномена — явление относительно новое, вызванное не только ростом интереса специалистов к различным аспектам проблематики государственного управления (см. обзор: Levi-Faur, 2012), но и появлением ряда новых познавательных инструментов и международных баз данных, созданных при участии Всемирного банка и ряда других исследовательских и неправительственных организаций. Однако само по себе понятие *bad governance* в немалой степени остается «ускользающим» (*elusive*) термином, к тому же выстроенным как антонимия по отношению к «достойному правлению» (*good governance*) — термину, критерии которого носят многомерный характер и также несколько размыты (Rotstein, 2012). В соответствии с подходом, лежащим в основе программы Всемирного банка *Worldwide Governance Indicators* (Worldwide, 2016), суть «достойного правления» составляют шесть главных параметров:

- (1) выборность и подотчетность властей,
- (2) политическая стабильность и отсутствие насилия,
- (3) эффективность правительства,
- (4) (высокое) качество регулирования,
- (5) верховенство права,
- (6) контроль коррупции.

В свою очередь, отталкиваясь от «достойного правления», можно полагать, что ключевые характеристики «недостойного правления» являются собой противоположность указанным принципам по всем или по многим параметрам. Таким образом, основными чертами «недостойного правления» служат: (1) отсутствие верховенства права и/или извращение его принципов — *unrule of law* (O'Donnell, 1999; Gel'man, 2004), (2) высокий уровень коррупции, (3) низкое качество регулирования, (4) неэффективность правительства. Иногда, хотя и не всегда, к этому списку следует добавить (5) отсутствие выборности и подотчетности властей и (6) политическую нестабильность и насилие. Пункты (1–4) в этом списке характеристик «недостойного правления» относятся собственно к понятию *governance* в узком смысле, то есть к политико-экономическому управлению государством как таковому. Вместе с тем пункт (5) и отчасти (6) относятся не столько к *governance*, сколько выступают характеристиками политических режимов. Эти характери-

ки хотя и влияют на качество государственного управления, но не напрямую, а опосредованно и не всегда однозначно.

Содержательно такое — негативное — определение «недостойного правления» трудно признать удовлетворительным, однако данное положение дел является логическим следствием того, что многим исследователям в социальных науках (не только в данной сфере) присущ некий нормативный уклон (*bias*). Они оценивают многие общественные явления прежде всего с точки зрения их соответствия (или, скорее, несоответствия) нормативным идеалам (в данном случае — идеалам *good governance*) и рассматривают те или иные отклонения от этих идеалов в категориях «как не должно быть», а не «как на самом деле». ³ Такой подход равнозначен тому, если бы медики основное внимание уделяли пропаганде здорового образа жизни и профилактике заболеваний, но при этом определяли сами заболевания и анализировали их причины и характер развития (не говоря уже о способах лечения) лишь в категориях отклонения от сконструированной ими нормы «здорового пациента».

Следствием нормативного уклона при анализе *bad governance* выступает стремление к расширительной трактовке этого явления: набор характеристик *bad governance* порой дополняется иными дефектами не только государственного управления, но и устройства общества в целом — поэтому он выглядит как перечисление весьма разнородных негативных тенденций. К примеру, тот же Всемирный банк указывает, что «*bad governance is associated with corruption, distortion of government budgets, inequitable growth, social exclusion, lack of trust in authorities...*» (*Corruption and Governance*, n. d.). Такой подход, однако, выглядит неоправданным, поскольку смешивает в одно понятие явления, часть из которых может не иметь прямого отношения к низкому качеству государственного управления как таковому и/или может быть вызвана иными причинами (например, социальное исключение или низкое доверие к властям). Поэтому в дальнейшем анализе, скорее, стоит ориентироваться на «минималистское» определение *bad governance*. Оно включа-

³ Характерно, что хотя подробнейший *Oxford Handbook of Governance* (Levi-Faur, 2012) включает обзорную главу, посвященную *good governance* (Rotstein, 2012), но проблематика *bad governance* в нем почти не отражена. Сходным образом, например, Институт качества государственного управления (QOG) при университете Гетеборга уделяет первоочередное внимание изучению «лучших практик» государственного управления — «заслуживающим доверия, надежным, честным, некоррупцированным и компетентным государственным институтам» (цитата с сайта института <http://qog.pol.gu.se/>).

ет в себя приведенные выше четыре ключевые характеристики государственного управления:

- отсутствие и/или извращение верховенства права,
- коррупция,
- низкое качество регулирования,
- неэффективность правительства.

Вместе с тем сами эти характеристики также нуждаются в уточнении: необходимо понять, каково их место в рамках государственного управления, служат ли они лишь симптомами патологий или, напротив, нормой «недостойного правления». Поскольку смена регистра изучения «недостойного правления» требует перехода от нормативных суждений к позитивному анализу, то следует признать, что *bad governance* выступает не просто антимонией по отношению к *good governance*, но проявлением принципиально иного политико-экономического порядка, чем того, воплощением которого служат идеалы *good governance*. Этот политико-экономический порядок,⁴ в свою очередь, хотя и выступает одним из частных случаев «порядка ограниченного доступа» (North et al., 2009) и господства «экстрактных» политических и экономических институтов (Acemoglu, Robinson, 2012), но демонстрирует ряд специфических оснований, отличающих его от других политико-экономических порядков. В предыдущей работе (Гельман, 2015) эти основания сформулированы как «конституция», или неформальное институциональное «ядро», которое определяет рамки и механизмы как политических режимов и рыночных отношений, так и государственного управления:

(1) извлечение ренты представляет собой главную цель и основное содержание управления государством на всех уровнях;

(2) механизм власти и управления тяготеет к иерархии («вертикаль власти») с единым центром принятия решений, стремящимся к монопольному положению (*single power pyramid*) (Hale, 2014);

(3) автономия экономических и политических акторов внутри страны по отношению к данному центру носит условный характер и может быть произвольно изменена и/или ограничена;

(4) формальные институты, задающие рамки осуществления власти и управления, представляют собой побочный продукт распределения ресурсов внутри «вертикали власти»: они имеют значение как «правила

⁴ В предыдущей работе (Гельман, 2015) он характеризовался как «неопатри- мониальный».

игры» лишь в той мере, в какой способствуют (или как минимум не препятствуют) извлечению ренты;

(5) аппарат управления в рамках «вертикали власти» разделен на соперничающие за доступ к ренте организованные структуры и неформальные клики.

Из данных оснований следует, что ключевые характеристики *bad governance* являются неотъемлемыми атрибутами данного политико-экономического порядка и средствами его обеспечения и поддержания в сфере государственного управления. Предельно огрубляя, можно утверждать, что поскольку государством как раз и управляют для того, чтобы извлекать ренту, то коррупция в ее различных формах и проявлениях (Shleifer, Vishny, 1993; Treisman, 2000) служит важнейшим механизмом достижения этих целей, то есть, по сути дела, нормой «недостойного правления». Аналогичным образом низкое качество регулирования и извращение принципов верховенства права⁵ не только способствуют извлечению ренты, но и содействуют стабильности иерархии в системе управления и обеспечивают условный характер автономии акторов посредством создания частых изменений «размытых» (*fuzzy*) или, напротив, крайне ригидных формальных институтов в сочетании с селективным правоприменением (*selective law enforcement*) (Taylor, 2015). Хотя в этих условиях неэффективность правительства является неизбежным побочным эффектом *bad governance*, с ней приходится мириться властям, во всяком случае, в той мере, в которой она не создает непосредственных вызовов политико-экономическому порядку в целом.

Конкретные аспекты «недостойного правления» в различных сферах государственного управления в постсоветской Евразии настолько многочисленны и разнообразны, что даже одно их перечисление заняло бы немало места: регион в целом может соперничать с Африкой за со-

⁵ Принципы верховенства права формулируются следующим образом: «1. Все законы должны быть открытыми и ясными и не иметь обратной силы; 2. Законы должны быть относительно стабильными; 3. Принятие отдельных законов должно определяться открытыми, стабильными и ясными общими правилами; 4. Независимость судебной системы должна быть гарантирована; 5. Должен соблюдаться принцип естественного права (открытые, честные и беспристрастные слушания); 6. Суды должны обладать правом отмены законов, для обеспечения их соответствия верховенству права; 7. Суды должны быть относительно доступны; 8. Власть правоохранительных органов не должна позволять им извращать законы» (O'Donnell, 1999: 317).

мнительный статус заповедника «недостойного правления». Само по себе это явление не стоит рассматривать как временный и преходящий феномен (типа «детской болезни»), который может быть преодолен естественным путем: такое развитие событий хотя и возможно, но не предопределено. Однако нет никаких оснований рассматривать его в качестве своего рода смертельного недуга, с неизбежностью ведущего к коллапсу управления и краху государства в обозримом будущем. Исследования, проводившиеся на материале африканских стран, говорят о несостоятельности такого рода оценок: эти страны порой демонстрируют стабильность «недостойного правления», несмотря на катастрофические ожидания и ряд политических катаклизмов и экономических подъемов и спадов, которые выступают в качестве внешних шоков (Erdmann, Engel, 2006). Скорее, bad governance можно уподобить тяжелому хроническому заболеванию, которое, хотя само по себе не влечет летального исхода, но настолько ослабляет организм пациента, что делает его намного более уязвимым по отношению к рискам развития осложнений данного заболевания и подверженным иным болезням.

Иными словами, «недостойное правление» выступает как устойчивое, хотя и весьма неэффективное, равновесие, его нарушение случается не так часто, и восстановление этого равновесия возможно даже в случаях глубоких внешних шоков. За редкими исключениями, постсоветская Евразия с ее «циклами» смен режимов (Hale, 2014), включая «революции» в Украине или Кыргызстане, и неравномерной экономической динамикой, может служить примером такого рода равновесия. Не будет очень большим преувеличением утверждать, что устойчивость bad governance может стать со временем самоподдерживающейся (self-enforcing), в то время как аппарат государственного управления лишь в незначительной мере оказывается способен к реализации структурных реформ, направленных на повышение эффективности правительства (Гельман, 2015; Gel'man, Starodubtsev, 2016).

Длительный по времени и устойчивый (durable) характер «недостойного правления» (характерный не только для постсоветской Евразии, но и для ряда африканских стран) (Erdmann, Engel, 2006) вынуждает к переосмыслению данного явления и к его более углубленному и пристальному анализу. Несмотря на немалое внимание специалистов к проблематике «недостойного правления» в постсоветской Евразии, исследовательская повестка дня во многом носит, скорее, описательный, чем объяснительный характер. В самом деле, констатация симптомов bad governance подтверждается не только низкими рейтингами различ-

ных стран региона (Zaostrovsev, 2016) в глобальных иерархиях, познавательная и прикладная ценность которых служит предметом дискуссий (Cooley, Snyder, 2015). Можно также говорить о печальном консенсусе среди часто расходящихся по своим воззрениям и научным подходам авторов, в различном ключе анализирующих политику и управление в России и в постсоветском регионе в целом (Aslund, 2007; Dawisha, 2014; Easter, 2012; Hale, 2014; Ledeneva, 2013; Taylor, 2015; Melville, Mironyuk, 2016): констатация *durable bad governance* стала общим местом практически всех работ, которые представляют картину постсоветского «недостойного правления». Эта картина выглядит как «захват государства» (*state capture*) (Hellman, 1998) со стороны соискателей ренты изнутри государственного аппарата и со стороны связанных с ним влиятельных представителей бизнеса. Стремясь к приватизации выгод и к обобществлению издержек в ходе государственного управления, рентоориентированные акторы, которые составляют (в различных конфигурациях) основу правящих групп постсоветских государств, преднамеренно и целенаправленно создают и поддерживают социально неэффективные «правила игры» (North, 1990: 16). Но поскольку их горизонт планирования ограничен краткосрочной временной перспективой в силу инструментальной легитимности (*performance legitimacy*) господства правящих групп (Huntington, 1991: 55) и из-за сомнительных перспектив наследования власти (Brownlee, 2007), эти акторы ведут себя, если использовать термины Мансура Олсона (Olson, 1993), как «кочевые» (*roving*), а не как «стационарные» (*stationary*) бандиты.⁶ Они расхищают ресурсы государств на всех уровнях управления, и термин «клептократия» (Dawisha, 2014) выглядит не только публицистическим приемом, но и вполне адекватным описанием господства «жуликов и воров». Поэтому результатом становится «порочный круг» *bad governance* (Гельман, 2015): механизмы «недостойного правления» воспроизводятся при различных правителях, и попытки его преодоления (если таковые и предпринимаются) наталкиваются на сильное сопротивление и чаще всего дают ограниченные эффекты с точки зрения качества государственного управления.

⁶ Применительно к постсоветской Евразии упоминание «кочевых» бандитов выглядит не только метафорой, но и констатацией фактов, если вспомнить случаи вынужденной эмиграции Аскара Акаева, Курманбека Бакиева и Виктора Януковича.

Но за пределами этого печального консенсуса открытым остается вопрос о причинах и механизмах «недостойного правления». Точки зрения здесь расходятся от инвектив в адрес политических лидеров и их окружения (Dawisha, 2014) и/или противопоставления «хороших» и «плохих» парней в процессе посткоммунистических преобразований (Aslund, 2007) до представлений о непреодолимой «плохой» специфике России и Евразии (см. критический обзор: Травин, 2015), ставящей крест на любых попытках преодоления «недостойного правления». Поэтому для выработки позитивной исследовательской повестки дня необходима критическая переоценка существующих объяснений феномена «недостойного правления» в целом и в постсоветской Евразии в частности.

«Недостойное правление»: почему?

Хотя в современном мире «недостойное правление» воспринимается как аномалия, на деле история человечества по большей части представляет собой историю неэффективных коррумпированных правительств, в то время как верховенство права и высокое качество регулирования представляют собой недавний феномен, возникший лишь в Новое время в ходе развития современных государств (North et al., 2009). Good governance отнюдь не появлялось само собой по доброй воле мудрых лидеров, но становилось вынужденным ответом правящих групп на два взаимосвязанных вызова. Во-первых, международная конкуренция сопровождалась многочисленными кровопролитными войнами: государства, демонстрировавшие недостаточную военную и экономическую эффективность, рисковали понести сильные потери или даже оказаться завоеванными своими более успешными противниками. Во-вторых, неэффективность и коррумпированность правительств также стимулировали усиление внутривнутриполитического давления на них и со стороны значимых политических и экономических игроков, не включенных в поддерживающие режим «выигрышные коалиции» (Bueno de Mesquita, Smith, 2011), и со стороны различных групп граждан. Собственно, ставший хрестоматийным пример становления верховенства права и начала перехода к good governance в результате английской «славной революции» в конце XVII века (North, Weingast, 1989; North et al., 2009) служит наглядной иллюстрацией воздействия этих вызовов. Спровоцированный агрессивной внешней политикой короны фискаль-

ный кризис привел к последующей цепи политических кризисов (революция — диктатура — реставрация), продолжавшейся на протяжении десятилетий до тех пор, пока противоборствовавшие игроки не пришли к решению об учреждении парламента и об ограничении государственных заимствований. Лишь позднее длительный и устойчивый экономический рост, ставший в том числе и следствием *good governance*, помог Британии укрепить свои позиции на международной арене, обезопасив себя от внешнеполитических вызовов.

Однако в современную эпоху характер международных и внутривнутриполитических вызовов «недостойному правлению» существенно меняется. Уход в прошлое войн снижает риски утраты власти в результате военных поражений коррумпированных и неэффективных правительств. Что же до экономической конкуренции, то хотя проигрыш в ее ходе от государств с более качественным управлением служит досадной неприятностью для тех, кто осуществляет «недостойное правление», эти вызовы все же не столь чувствительны. Снижение темпов экономического роста, отток капитала, недополученные инвестиции, распыление человеческого капитала влекут за собой негативные последствия, но сами по себе не содержат для правящих групп рисков утраты власти и богатства — напротив, эти проявления «недостойного правления» позволяют поддерживать внутривнутриполитическое статус-кво (Bueno de Mesquita, Smith, 2011). «Выигрышные коалиции» способны как инкорпорировать отдельных соискателей ренты в свой состав, так и использовать те или иные средства подавления несогласных. Опыт ряда стран постсоветской Евразии вполне вписывается в эти рассуждения. Международные вызовы «недостойного правления» для их правящих групп носят среднесрочный характер, в то время как внутривнутриполитическое давление со стороны социальных групп общества и экономических агентов проявляется лишь эпизодически и по большей части может быть взято под контроль. В этом плане постсоветское «недостойное правление» можно рассматривать как вполне закономерное развитие событий в сфере государственного управления в том случае, если правящие группы в отсутствие вызовов, прямо угрожающих их пребыванию у власти, по умолчанию оказываются предоставленными сами себе, не встречая сильного сопротивления внутри страны и на международной арене. Поэтому они могут рационально и целенаправленно выстраивать политико-экономический порядок, недоступный правящим группам в иных условиях. Можно предположить, что если бы многие лидеры развитых стран, где сегодня укоренено *good governance*, оказались на месте Путина или

Назарбаева, то в отсутствие значимых ограничений «недостойному правлению» они, вероятнее всего, управляли бы Россией или Казахстаном примерно в том же ключе, что и нынешние руководители этих стран.

Как в работах исследователей, так и в жаргоне советников и консультантов «недостойное правление» (не только в постсоветской Евразии) принято связывать с «низким качеством институтов», «неблагоприятной институциональной средой» и другими проявлениями разнообразных «институциональных ловушек» (Аузан, 2015). Хотя низкое качество институтов действительно выступает атрибутом «недостойного правления», оно является лишь следствием низкого качества регулирования и отсутствия верховенства права, но никак не причиной данного явления. Институты сами по себе являются результатом институционального строительства, а оно, как отмечено выше, выступает отражением баланса сил и интересов ключевых игроков. Продолжая параллели с медициной, следует полагать, что подмена диагноза заболеваний описанием одного из его симптомов ведет к неверным рецептам лечения. Стремление изменить одни лишь формальные институты посредством «заимствования» и/или «выращивания» без кардинального пересмотра институционального «ядра» политико-экономического порядка либо не дает улучшения, либо меняет ситуацию от плохого к худшему (Гельман, 2015).

Что же является причинами «недостойного правления» в постсоветской Евразии? Если вывести за скобки объяснения *ad hominem*, приписывающие «недостойное правление» произволу конкретных личностей, а также многочисленные, но основанные лишь на тех или иных случайных свидетельствах (*anecdotal evidence*) утверждения о препятствующих «достойному правлению» ценностей и установок населения постсоветского региона,⁷ то набор этих возможных причин сужается до двух больших кластеров. С одной стороны, речь идет об исторической обусловленности развития постсоветских государств и об их разнообразном «наследии прошлого». С другой стороны — о сложившихся и менявшихся после распада СССР конфигурации политических и эконо-

⁷ Сравнительные кросс-национальные исследования не дают оснований говорить о том, что ценности, установки и ориентации граждан стран постсоветской Евразии обрекают регион на «недостойное правление». Проблема, скорее, заключается в ином: ценности и установки, каковы бы они ни были, лишь в небольшой мере влияют на поведение постсоветских граждан (Панеях, 2016).

мических элит этих государств, о стимулах этих элит, об отношениях государства и общества, а также о характеристиках международного влияния на эти государства. Эти кластеры объяснений не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими.

Длинная рука прошлого

Детерминистские объяснения «недостойного правления» в постсоветской Евразии восходят к укорененной в глубине веков русской истории репрессивной и неэффективной авторитарной государственной машине. Эта «матрица» (Hedlund, 2005), или «колея» (Аузан, 2015), в принципе не подлежит изменению. Дополнением к такой точке зрения выступают детерминистские представления об отношениях государства и общества, основанные на схеме «советского человека» — наделенного средоточием многочисленных негативных черт социального типа, воспроизводящегося через поколения (Левада, 1993, 2006) и служащего не только продуктом неисправимой «матрицы», но и инструментом ее поддержания. Такая точка зрения оспаривается как исследователями российской истории (Миронов, 2000), так и специалистами, которые анализируют тенденции развития современного российского общества в сравнительной перспективе (Магун, Руднев, 2010; Greene, 2014; Панеях, 2016). Она уязвима для критики, поскольку страдает дефицитом эвристичности и во многом построена по принципу «подгонки» теории под заранее сконструированный ответ (Травин, 2015). Но нет оснований и не признавать тот факт, что «история имеет значение» (North, 1990: 3) для анализа «недостойного правления». Вопрос формулируется иначе: каким образом это «значение» прошлого становится частью настоящего и будущего в практике государственного управления?

«Наследие прошлого», используемое как обозначение исторически сложившегося набора препятствий на пути «достойного правления», воспринимается как некий перечень тех неблагоприятных стартовых условий, которые, сложившись на момент распада СССР в силу различных причин, продолжают выступать в этом качестве в течение неопределенно длительного периода. Но такое восприятие «наследия» не позволяет объяснить ни то, почему оно оказывает разное воздействие на различные страны региона и на различные сферы управления, ни то, каковы механизмы воздействия «наследия» на сложившиеся после распада СССР институты и практики. Стремясь отказаться от детерминиз-

ма, Стивен Коткин и Марк Бейссинджер переопределяют «наследие» как «длительную и устойчивую причинно-следственную связь между институтами и политическими курсами на последующие практики или убеждения, которая продолжается намного дольше, чем существование тех режимов, институтов и политических курсов, которые их породили» (Kotkin, Beissinger, 2014: 7). Они выделяют ряд механизмов, посредством которых осуществляется эта причинно-следственная связь, переносящая институты и практики прошлого в настоящее и будущее — в том числе фрагментация, перевод, установление параметров и культурные схемы. «Фрагментация» предполагает использование в новых условиях тех или иных отдельных частей институтов, которые унаследованы от прежнего режима. «Перевод» означает использование прежних институтов и практик для совершенно новых целей. «Установление параметров» исходит из того, что возможности для становления новых институтов и/или политических курсов оказываются закрытыми из-за ограничений, которые возникли в прошлом. Наконец, «культурные схемы» связаны с унаследованным из опыта прошлого восприятием отдельных практик и способов деятельности (не только в сфере государственного управления) как нормальных или, напротив, неприемлемых (Ibid.: 16). Коткин и Бейссинджер в своей книге подробно анализируют те или иные механизмы трансляции «наследия» в современную повестку дня России и других стран на конкретных примерах. Так, фрагментация была характерна для преобразований структуры государственного управления после распада СССР как на уровне аппарата правительств и министерств (Huskey, 2014), так и на уровне правоохранительных органов и судов. Элементы перевода связаны и с заимствованием сформировавшихся во времена СССР механизмов работы правоохранительных органов (Taylor, 2014), и с использованием техник «компромата» и «черного PR» в постсоветских условиях (Wilson, 2005; Ledeneva, 2013). Установление параметров было вызвано ограничениями, заданными физической и технологической инфраструктурой советского периода — размещением производств и транспортных потоков (Gaddy, 2014), ставившим барьеры на пути структурных реформ. Культурные схемы — укорененные в прошлом, но пережившие прежний порядок способы мышления и восприятия — задают представления о воспринимаемом «хорошем Советском Союзе» (Gel'man, Marganiya, Travin, 2014) как о своего рода нормативном идеале и служат базой «ментальных моделей» (Denzau, North, 1994) для постсоветских акторов и для обществ в целом.

Хотя рамки анализа «наследия» не специфицированы применительно к хронологическим границам, вслед за авторами книги целесообразно ограничить границы этого анализа советским периодом истории и не уходить в глубь веков. Причиной этого служит тот факт, что «наследие» прошлого определяет настоящее и будущее не только и не столько само по себе: «история имеет значение» прежде всего постольку, поскольку те или иные акторы используют ее для достижения своих целей, в том числе в сфере государственного управления, и в их рефлексии присутствует относительно недавний по времени горизонт прошлого, так или иначе связанный с опытом одного или двух поколений (Gel'man, Marganiya, Travin, 2014). Среди перечисленных механизмов, транслирующих «наследие» в актуальную повестку дня, лишь установление параметров может выступать объективным и заведомо заданным ограничением на пути «достойного правления», повышая издержки улучшения качества государственного управления и способствуя сохранению статус-кво. Но масштаб этих издержек может снижаться со временем по мере создания и распространения новых, более эффективных институтов и практик, не имеющих основы в прошлом. Вместе с тем такие механизмы, как фрагментация и перевод, выступают инструментами правящих групп в процессе институционального строительства, а культурные схемы обуславливают их представления о целях и средствах этого процесса.

«Наследие прошлого», таким образом, в значительной мере выступает как социально сконструированный феномен, в том числе в постсоветской Евразии. Применительно к государственному управлению в этом регионе культурные схемы оказываются важнейшим инструментом поддержания «недостойного правления» как минимум в двух отношениях. Во-первых, они задают ретроспективный вектор общественных дискуссий, в которых советское (и реже досоветское) прошлое служит главной, если не единственной, «точкой отсчета». История перестает быть уделом историков, но пронизывает все аспекты жизни современной России (как и ряда других стран региона).⁸ Опыт прошлого, воображаемые элементы которого играют роль нормативных «маркеров» (не важно, идет ли речь о периоде «застоя», о сталинской эпохе или об иных временах), рассматривается как альфа и омега в проектировании будущего,

⁸ Перефразируя высказывание «история — это политика, опрокинутая в прошлое», не будет преувеличением утверждать, что в современной России политика — это во многом история, опрокинутая в будущее.

включая механизмы государственного управления. Именно поэтому прежние институты и практики из прошлого становятся своего рода кирпичиками (building blocks) в ходе институционального строительства и выработки политических курсов. Фрагментация и перевод выступают средствами достижения этих целей. Во-вторых, в силу того, что отсылки к собственному прежнему опыту служат едва ли не единственным инструментом легитимации политических решений, иные механизмы управления, институты и политические курсы — не важно, в какой мере они соответствуют лучшим практикам государственного управления, — не воспринимаются обществами в качестве легитимных.⁹

«Хороший Советский Союз», то есть политико-экономический порядок, в какой-то мере похожий на советский строй, но лишенный имманентно присущих ему дефектов (Ibid.), на деле имеет лишь косвенное отношение к реальному опыту позднего СССР. В качестве элементов «наследия» присутствуют селективно отобранные и способствующие максимизации власти правящих групп постсоветской Евразии элементы этого опыта. К ним относятся иерархия «вертикали власти», «стабильность кадров» на всех уровнях управления (то есть низкая сменяемость элит), закрытость и формально и неформально закрепленный привилегированный статус правящих групп, государственный контроль над важнейшими каналами СМИ, репрессивная политика по организации борьбы с инакомыслием (Gel'man, 2016) и некоторые другие. В то же время такие элементы политико-экономического порядка времен позднего СССР, как относительно низкий уровень неравенства и наличие определенных государственных социальных гарантий, оказались отброшены без сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны общества. Для «хорошего Советского Союза» характерны и те весьма значимые для правящих групп характеристики, которые реальному СССР не были присущи: не только полноценная рыночная экономика, позволяющая избежать проблем дефицита, но и отсутствие имевших место в позднем СССР институциональных ограничений для присвоения ренты правящими группами (Clark, 1993), и наличие внешнего интерфейса для легализации своего статуса и доходов в развитых странах. Не будет преувеличением утверждать, что «хороший Советский Союз» был сознательно сконструирован в качестве нормативного идеала правящими

⁹ Примером может служить внедрение в России единого государственного экзамена в качестве механизма оценки результатов обучения выпускников школ (Starodubtsev, 2016).

группами постсоветских стран и их обслугой, которые на фоне экономического роста 2000-х годов смогли благодаря приватизации выгод и обобществлению издержек получить почти все то, чего хотели, но не могли достичь их предшественники в позднем СССР (Gel'man, Marganiya, Travin, 2014).

Обращение к «наследию» в качестве основы для строительства постсоветских институтов и практик государственного управления способствует закреплению сложившегося статус-кво, в том числе посредством «фрагментации» и «переноса» отдельных элементов этого идейного конструкта на уровне конкретных решений в сфере политики и управления. Это касалось, помимо прочего, и ряда шагов по реформе политического курса (Gel'man, Starodubtsev, 2016), и в особенности организации бюрократии и создания стимулов к ее низкой эффективности (Волков и др., 2013; Huskey, 2014; Paneyakh, 2014; Taylor, 2014, 2015). «Хороший Советский Союз» как нормативный идеал не создавал стимулов для отказа от «недостойного правления» даже в случае, когда повышение качества государственного управления декларировалось в качестве целей проводимого властями политического курса. Напротив, «хороший Советский Союз» как основа постсоветской «ментальной модели» служит достаточно эффективным инструментом легитимации политико-экономического порядка «недостойного правления» в Евразии, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, границы которой заданы жизненным циклом нынешних поколений постсоветских правящих групп и их неизбежной в будущем сменой.

Резюмируя, следует полагать, что препятствующее «достойному правлению» «наследие прошлого» в сфере государственного управления (в постсоветской Евразии — и не только) носит не столько материальный, сколько идейный характер. «Длинная рука прошлого», якобы обрекающая те или иные страны на господство коррупции и неэффективности, — это по большей части социальный конструкт, создаваемый и поддерживаемый правящими группами в целях максимизации собственной власти. Страны, которые, подобно ряду государств Восточной Европы и Балтии, хотя бы частично отказались от такого идейного «наследия», могут (но не обязательно) улучшить свои шансы на отказ от принципов «недостойного правления», хотя успех на данном пути отнюдь не гарантирован. Но те, кто видит источники современного государственного управления в воображаемом (славном или же бесславном) прошлом своих стран, могут превратить «недостойное правление» в бесконечный «порочный круг».

Режимные циклы и «недостойное правление»

Нет нужды доказывать, что становление и укоренение авторитарных режимов в целом и в постсоветской Евразии в частности создает политическую и институциональную среду, которая способствует «недостойному правлению». Редкие примеры высокого качества государственного управления в авторитарных режимах могут быть кратко суммированы высказыванием Дани Родрика «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго» (Rodrik, 2010): чаще всего речь идет об исключениях, подтверждающих общее правило. Постсоветские авторитарные режимы, персоналистские по природе,¹⁰ по большей части соответствуют этому правилу. Более того, электоральные авторитарные режимы (подобные российскому) в плане «недостойного правления» подчас оказываются даже хуже, чем «гегемонные» (или «классические») авторитарные режимы (Howard, Roessler, 2006), для которых характерны заведомо неконкурентные «выборы без выбора» (примером в постсоветской Евразии может служить Казахстан). Для электоральных авторитарных режимов характерны не только зависимость от политических бизнес-циклов (которая присуща и демократиям), но и уязвимость к рискам ослабления, если не падения, режимов в ходе и по итогам проведения несправедливых выборов (Schedler, 2013). Примерами тому служат постэлекторальные протесты в Армении и России, а также серия «цветных революций» в Грузии, Украине, Кыргызстане и Молдове (Hale, 2014). Эти риски резко сужают горизонт планирования авторитарных лидеров, способствуя политизации управления государством и экономикой — начиная от мобилизации избирателей на предприятиях (Frye et al., 2014) и заканчивая превращением государственного аппарата в «политическую машину» по обеспечению голосования избирателей в пользу правящих групп (Golosov, 2013). Следствием такого положения дел становится неспособность к выработке адекватных стимулов, направленных на повышение качества государственного управления, подобно тем, что были созданы в Китае — в частности, регулярной ротации руководящих кадров и зависимости восходящей карьерной мобильности чиновников от достигнутых ими результатов управления (Яковлев, 2015). Напротив, в рамках «вертикали власти» стимулы для чиновников связаны с демонстрацией политиче-

¹⁰ В отличие от других типов авторитарных режимов — монархий, военных и однопартийных режимов (Geddes, 2003: 47–88).

ской лояльности в ущерб эффективности управления (Reuter, Robertson, 2012) — эти тенденции являются «слабым местом» многих авторитарных режимов (Egorov, Sonin, 2011).

На первый взгляд, парадокс постсоветской Евразии заключается в том, что даже смена политических режимов, ассоциирующаяся с их демократизацией, сама по себе отнюдь не приводит к отказу от «недостойного правления», а, напротив, усугубляет его патологии. Падение режима Януковича в Украине в 2014 году, хотя и повлекло за собой становление конкурентной «патримониальной демократии» (Fisun, 2015), с точки зрения качества государственного управления не привело к заметному улучшению по сравнению с периодом правления Януковича. Скорее, «захват государства» (Hellman, 1998) «изнутри» (со стороны Януковича и его клиентелы) сменился захватом государства «извне» (со стороны борющихся друг с другом олигархических групп). Грубо говоря, в Украине произошла замена одних «жуликов и воров» на других, но не отказ от принципов *bad governance*. Аналогичным образом Скотт Радниц в своем анализе смен режимов в Кыргызстане в 2005 и 2010 годах (Radnitz, 2012) подчеркивает, что сопровождающийся массовой мобилизацией конфликт элит даже если и ведет к смене правящих групп, то сохраняет и даже консервирует «хищнический» характер государственного управления, связанный с извлечением ренты. Политизация управления государством и экономикой и стимулы к лояльности в ущерб эффективности оказываются присущи конкурентным постсоветским демократиям почти в той же мере, что и электоральным авторитарным режимам. Иначе говоря, демократизация как таковая отнюдь не обязательно препятствует «недостойному правлению».

Генри Хейл в исследовании динамики режимов в постсоветской Евразии предлагает отказ от дихотомии «демократизация vs. авторитаризм» в пользу модели «режимных циклов», в рамках которых повышение и снижение конкуренции элит служат лишь разными стадиями этих циклов (Hale, 2014), тем самым как будто бы снимая противоречия между различием политических условий «недостойного правления» в Евразии и за ее пределами. Действительно, конкуренция элит (которая является необходимым, хотя и недостаточным, условием «минималистской» демократии) сама по себе, по крайней мере, в краткосрочной временной перспективе не ведет к отказу от «недостойного правления». Напротив, такая конкуренция может в некоторых случаях усугубить коррупцию и извращение принципов верховенства права (Pорова, 2014; Sharafutdinova, 2011). В русле такого рода рассуждений повышение ка-

чества государственного управления, так же как и устойчивая демократизация, может рассматриваться как возможный побочный эффект успешного социально-экономического развития и роста экономики (см. также Treisman, 2015). Но поскольку «недостойное правление» само по себе тормозит рост и развитие, то возникает немалая вероятность того, что «режимные циклы» могут в течение длительного периода воспроизводиться в тех или иных комбинациях или даже сменяться «гегемонными» авторитарными режимами, фактически на неизменном уровне сохраняя коррупцию и неэффективность. Такое развитие событий грозит всерьез и надолго обречь государство постсоветской Евразии на участь, подобную участи стран Африки (несмотря на очевидные различия в уровне социально-экономического развития).

Альтернативный взгляд на взаимосвязь посткоммунистической режимной динамики с качеством государственного управления предложили Нейл Абрамс и Стивен Фиш, изучавшие причины «истории успеха» Эстонии после распада СССР (Abrams, Fish, 2015). Они обращают внимание на то, что падение советского режима и обретение Эстонией независимости открыло «окно возможностей» для кардинального обновления не только правящих групп, но и всего государственного аппарата. Структурные преобразования в системе управления, которые опирались на заимствование лучших практик и отвергали в принципе «хороший Советский Союз» (этот нормативный идеал был неприемлем для значительной части эстонского общества), открыли дорогу как для радикальных реформ в экономике, так и для отказа от «недостойного правления». Таким образом, демократизация имела значение для качества государственного управления не столько сама по себе, сколько как средство смены состава и структуры элит (а не просто ротации правящих групп) и слома прежних иерархий, позволяющее при благоприятном сочетании иных политических условий если не победить «недостойное правление», то существенно снизить его пагубное воздействие. Поэтому режимные циклы не превращаются в дурную бесконечность, которая всего лишь поддерживает статус-кво в государственном управлении. По сути дела, сходную картину рисует и Лариса Буракова в своем описании реформ в Грузии, предпринятых вскоре после «революции роз» под руководством Михаила Саакашвили и при активном участии Кахи Бендукидзе (Буракова, 2011). Крах прежнего режима и всей системы управления и приход на ключевые государственные посты новых деятелей, включая молодых профессионалов, позволил провести структурные преобразования в различных сферах (от регули-

рования экономики до правоохранительных органов и высшего образования).

Напротив, частичный и неполный характер демократизации в России в начале 1990-х годов (которая была прервана после прихода к власти «демократов» в 1991 году) повлек за собой сужение бассейна рекрутирования элит и консервацию части «старой гвардии» на уровне управленческого аппарата в ключевых ведомствах правительства, не говоря уже о субнациональном управлении (Kryshtanovskaya, White, 1996). Поэтому не приходится удивляться, что пришедшие в 1990-е годы в российское правительство реформаторы в основном оказались в политической изоляции (Авен, Кох, 2013). Многие готовившиеся ими решения носили компромиссный характер и не способствовали повышению качества государственного управления как в целом (Shleifer, Treisman, 2000; Freeland, 2000), так и в отдельных сферах. Более того, сами российские реформаторы не слишком стремились к созданию политических условий для того, чтобы вновь открыть «окно возможностей» для политического рекрутирования и обновления элит (Gel'man, Maganiya, Travin, 2014). Скорее, они выступали младшими партнерами российской правящей группы в рамках новой «выигрышной коалиции», поддерживавшей режим. Последующие попытки реформ политического курса, предпринятые в России в 2000-е годы, носили еще более частичный и компромиссный характер (Dekalchuk, 2016; Gel'man, Starodubtsev, 2016), и их влияние на «недостойное правление» оказалось частичным и временным.

В целом исследования преобразований в посткоммунистических странах Восточной Европы подтверждают тезис о том, что более масштабная циркуляция элит при прочих равных условиях способствовала продвижению ряда структурных реформ и повышению качества государственного управления (Fish, 1998; Higley, Lengyel, 2000; Frye, 2010). Но в постсоветской Евразии сразу после краха СССР шансы на такое радикальное обновление оказались упущены или попросту отсутствовали. Сходная ситуация возникала и в ходе последующих смен режимов в Украине и Кыргызстане. В то же время «окапывание» (entrenchment) правящих групп, ограничение вертикальной мобильности и сужение каналов рекрутирования элит оказывается важным средством поддержания «недостойного правления»: в таких условиях стимулы к эффективному управлению государством и экономикой оказываются подорванными всерьез и надолго.

Международное влияние: скромное обаяние империализма

Влияние международных факторов на внутривнутриполитические изменения в постсоветской Евразии бурно дискутируется в свете политики «продвижения демократии» (democracy promotion) применительно к режимным циклам в странах, которые пережили «цветные революции» или, напротив, их избежали (Levitsky, Way, 2010; Bunce, Wolchik, 2011). Но насколько велик вклад международных акторов не в режимную динамику, а в борьбу с «недостойным правлением» в регионе? Ответ на этот вопрос как минимум неочевиден. И дело не только в том, что правящие группы постсоветских стран воспринимают международное влияние в любых сферах как угрозу своему господству и пытаются ему противостоять всеми доступными средствами. В сфере государственного управления международные акторы преследуют разнородные цели и действуют отнюдь не в едином ключе,¹¹ в то время как возможности позитивного влияния с их стороны на действия правительств других стран (не только в Евразии) довольно ограничены.

В общем плане международное влияние может содействовать борьбе с «недостойным правлением», лишь когда оно выступает дополнением к внутривнутриполитическим усилиям, предпринимаемым в этом направлении, а не замещает их. При отсутствии у правящих групп тех или иных стран стремления ограничить «недостойное правление» международное влияние — как правило, в формате программ помощи со стороны того же Всемирного банка, МВФ, Европейского Союза и т. д. — не дает значимого эффекта. Более того, правительства стран-реципиентов оказываются способны успешно манипулировать своими донорами, усугубляя проблемы принципал-агентских отношений; в свою очередь, у международных акторов не так много возможностей серьезно изменить положение дел к лучшему. В этом плане критические оценки международных программ помощи (Easterly, 2001) не слишком отличаются от описания действий российского правительства накануне и в ходе финансового кризиса 1998 года (Gilman, 2010). В отсутствие внутривнутриполитической воли к переменам давление международных акторов может в лучшем случае привести к частичным изменениям в отдельных сферах

¹¹ Так, СМИ неоднократно сообщали о фактах участия ряда работающих на рынках Евразии международных компаний во всевозможных коррупционных схемах в постсоветских странах.

государственного управления, в худшем — легитимировать сохранение прежнего статус-кво «недостойного правления».

Во всяком случае, опыт таких программ, как продвигавшееся Европейским Союзом «Восточное партнерство» (Агафонов, 2015), дает поводы усомниться в их успешности с точки зрения качества государственного управления. По крайней мере, Молдова или Украина по итогам реализации этих программ как управлялись, так и управляются не лучше (но и не намного хуже), чем, скажем, Россия или Казахстан. Скептически стоит оценить и сотрудничество России с МВФ в 1990-е годы (Gilman, 2010). Затягивание принятия ряда решений, частичное и выборочное воплощение в жизнь рекомендаций, ограниченное внедрение в жизнь «лучших практик» на деньги доноров лишь на отдельных площадках, невыполненные (и порой невыполнимые) обещания, сроки реализации которых сплошь и рядом переносятся «до греческих календ», — все это обусловлено нежеланием правительств стран-реципиентов повышать качество государственного управления и неспособностью к принуждению этих правительств со стороны доноров. В данном смысле постсоветская Евразия выглядит не лучше (но, впрочем, и не хуже) многих стран Африки (Easterly, 2001), для которых также характерно господство «недостойного правления».

Как и в случае анализа режимной динамики, влияние международных факторов в сфере государственного управления может быть концептуализировано в рамках двухмерной схемы Стивена Левицки и Лукана Вэй, которая рассматривает «взаимосвязи» (linkages) и «рычаги» (leverages) со стороны Запада по отношению к другим странам (Levitsky, Way, 2010). В то время, как «взаимосвязи» включают экономические, торговые, культурные и образовательные механизмы, привязывающие эти страны к зависимости от Запада, «рычаги» (в форме программ помощи, членства в международных организациях и т. д.) служат инструментом влияния Запада на политику, проводимую их правительствами. Левицки и Вэй справедливо отмечают, что в связи с изменениями политических режимов сочетание сильных «взаимосвязей» и слабых «рычагов» (характерное, по их мнению, для ряда стран постсоветской Евразии) не создает достаточных стимулов для демократизации. То же самое следует отметить и по отношению к государственному управлению, где это сочетание иногда оказывается контрпродуктивным, способствуя не улучшению качества институтов, а, напротив, их ухудшению (критику по отношению к Восточной Европе см., например, Abrams, Fish, 2015). Тем более в случае сворачивания «взаимосвязей»

при внешнеполитической изоляции тех или иных стран, не говоря уже об их самоизоляции от Запада (как в случае России, особенно после 2014 года), шансы на повышение качества государственного управления резко снижаются. Напротив, при таком развитии событий «недостойное правление» получает дополнительную внутривнутриполитическую легитимацию под прикрытием «защиты национальных интересов», в то время как внешнеполитическая легитимация утрачивает значение. Лидерам стран, которые находятся в международной изоляции, попросту оказывается уже нечего терять.

По сути, выигрышной комбинацией, ограничивающей «недостойное правление», может стать лишь сочетание внутривнутриполитической готовности к структурным реформам и к институциональным изменениям, с одной стороны, и сильных международных «рычагов» — с другой. Примером такого рода служили обязательства стран Восточной Европы, выполнение которых являлось условием вступления в Европейский Союз (conditionality). В этом случае масштабный пересмотр законодательства и правоприменительной практики был важен не только с точки зрения качества регулирования в конкретных сферах управления государством и экономикой и эффективности правительств (Schimmelfennig, Sedelmeier, 2004; Vachudova, 2005; Easter, 2012). Фактически речь шла об ограничении части национального суверенитета стран Восточной Европы по отношению к наднациональным органам и механизмам управления, которые, хотя и в ограниченном масштабе, обладали возможностями принуждения по отношению к органам власти этих стран. «Рычаги» оказались довольно действенным средством, ограничивавшим «недостойное правление»: необходимость следовать нормам и правилам Европейского Союза если и не слишком улучшила качество государственного управления в той же Румынии или Болгарии, но, по крайней мере, ставила барьеры на пути его возможного ухудшения. Без вступления в ЕС, скорее всего, эти и некоторые другие страны управлялись бы не намного лучше, чем их соседи в постсоветской Евразии (Hale, 2014).

Однако следует иметь в виду, что ограничение суверенитета стран Восточной Европы со стороны Европейского Союза стало следствием добровольного выбора со стороны граждан этих стран и значительной части элит. В постсоветской Евразии ситуация качественно иная, и вопрос о внешнем ограничении суверенитета этих государств сегодня не стоит на повестке дня, причем только из-за сопротивления со стороны правящих групп. Ограничение суверенитета третьих стран — дорогое

удовольствие для тех, кто пытается установить эти ограничения. Контроль над действиями их властей, а тем более принуждение к следованию установленным извне нормам, правилам и механизмам часто требуют немалых усилий и времени. Даже в случае интеграции восточноевропейских стран Европейским Союзом этот процесс, начатый в конце 1990-х годов, пока далек от полного завершения. Что же говорить о постсоветских государствах, где преодоление «недостойного правления» потребовало бы от стран Запада намного более масштабных и долгосрочных усилий. Империализм по отношению к постсоветской Евразии, несмотря на возможные позитивные эффекты с точки зрения государственного управления, повлек бы за собой для стран Запада неоправданно высокие и довольно длительные во времени издержки по ограничению «недостойного правления». Именно поэтому они идут по пути невмешательства в политико-экономический порядок стран постсоветской Евразии до тех пор, пока он не создает принципиального вызова для Запада.¹² По крайней мере, в обозримом будущем не только страхи внешнего ограничения суверенитета России среди сторонников политического статус-кво в постсоветских государствах, но и надежды на такой исход со стороны его противников выглядят явно неоправданными. А значит, международное воздействие на «недостойное правление» в постсоветской Евразии, скорее всего, будет оставаться незначительным.

Вместо заключения: как изучать «недостойное правление»?

Таким образом, становлению и развитию «недостойного правления» в постсоветской Евразии способствовали отсутствие ограничений на пути строительства политико-экономического порядка и сочетание

¹² Хотя крупномасштабное противостояние России с Западом после смены политического режима в Украине в 2014 году имело шансы стать такого рода вызовом, оно не стало достаточно сильным экзогенным шоком, меняющим стимулы для обеих сторон этого противостояния. Однако нельзя исключить и кажущееся сегодня крайне маловероятным развитие событий, при котором поражение России в этом противостоянии может (хотя не обязательно должно) в будущем повлечь за собой внешнее ограничение ее суверенитета и последующее принуждение со стороны западных государств и международных акторов (Гельман, 2015).

дополнительных неблагоприятных факторов. К ним относятся: (1) Идейная опора на «советское наследие» и «хороший Советский Союз» в качестве нормативного идеала для правящих групп и общества в целом; (2) ограничения циркуляции элит и воспроизводство правящих групп в регионе; (3) слабое международное воздействие на страны региона со стороны Запада в отсутствие механизмов принуждения по отношению к ним. Немногие исключения — такие как Грузия, в период президентства Михаила Саакашвили сделавшая немало решительных шагов по повышению качества государственного управления (Буракова, 2011), — подтверждают это правило. В случае Грузии все три фактора работали в противоположном направлении (отказ от «наследия», обновление элит и интенсивная интеграция с Западом), но этот опыт остается едва ли не единственным в постсоветской Евразии. Более того, он задает негативные стимулы для правящих групп иных стран, явно демонстрируя те шаги, которые могут в обозримом будущем привести их к потере власти. Тем не менее вопрос о том, почему в некоторых случаях условия для ограничения «недостойного правления» возникают, а в других — нет, заслуживает дальнейшего анализа.

Следует также полагать, что негативные эффекты «недостойного правления» могут носить долгосрочный характер. Хотя устойчивое равновесие «недостойного правления» в краткосрочной перспективе может быть подорвано в результате воздействия внешних шоков, но такой исход — далеко не единственный из возможных. Более того, внешние шоки не всегда меняют положение дел в тех или иных странах к лучшему. Украина, пережившая после 2014 года падение режима Януковича, аннексию Крыма, военный конфликт в Донбассе и конфронтацию с Россией, управляется сегодня не намного лучше, чем во времена, предшествовавшие «революции достоинства» на Евромайдане. Почему внешние шоки оказывают столь противоречивое воздействие на «недостойное правление» в тех или иных странах постсоветской Евразии? Ответ на этот вопрос также выглядит неочевидным.

Каковы возможные стратегии ограничения «недостойного правления» в регионе и их возможные последствия? Правительства и негосударственные акторы могут идти по пути инициирования целостных преобразований в сфере государственного управления или стремиться двигаться шаг за шагом, предпочитая успешно решать частные конкретные проблемы. Хотя целостные преобразования выглядят наиболее оправданным решением, сравнительное исследование реформ государственного управления на материале Бразилии и Аргентины приводит

к противоположному выводу: успешное решение конкретных проблем в тех или иных секторах управления и экономики может повлечь за собой куда более значимые эффекты, чем целостные преобразования (Bersch, 2016). Поскольку опыт реформ политического курса в различных секторах в странах постсоветской Евразии демонстрирует немалый разброс как методов, так и результатов, сравнительный анализ проводимых преобразований может позволить дать ответ на этот вопрос.

В то время как ожидать быстрого отказа от «недостойного правления» нереалистично, оптимистично настроенные специалисты полагают, что в результате длительного и устойчивого экономического роста и смены поколений лидеров и обычных граждан спрос на верховенство права и повышение эффективности правительств будет расти, тем самым стимулируя ограничение «недостойного правления» (Hale, 2014; Treisman, 2015). В какой мере оправданы эти ожидания применительно к странам постсоветской Евразии? Нет оснований исключить и иное развитие событий — правительства могут по-прежнему кое-как справляться с наиболее острыми вызовами, избегая катастрофических провалов (*muddling through*), но при этом принципы «недостойного правления» могут сохраняться неизменными. Неизбежная смена поколений способна стимулировать и альтернативное развитие событий, связанное со становлением в регионе своего рода наследственной клептократии. Коррупцированные и неэффективные правительства, ориентированные на извлечение ренты, способны поставить крест на любых попытках ограничить «недостойное правление». И хотя прогностические способности политической науки скромны (мы не можем предвидеть контуры будущего, глядя на картины настоящего), поиск возможных драйверов перемен и механизмов, стимулирующих перемены к лучшему (или, наоборот, к худшему?), также остается важным пунктом исследовательской повестки дня.

Любые аналогии почти всегда неполны и частичны, и приведенная в тексте медицинская аналогия не служит исключением. Если отягощенный тяжелым заболеванием пациент не только игнорирует рекомендации врачей, но и ведет нездоровый образ жизни, усугубляя свои проблемы со здоровьем, то, скорее всего, летальный исход неизбежен и медикам лишь останется констатировать неудачу лечения. Однако государства и общества, в отличие от индивидов, не умирают и не исчезают с карты мира, как бы плохо они ни управлялись. На фоне господства «недостойного правления» они продолжают свое существование, часто бессмысленное, бесполезное и бесперспективное, переживая длитель-

ный и глубокий упадок и разложение, осложняя и ухудшая жизнь своих граждан и увеличивая риски для других государств и обществ. «Недостойное правление» как политический феномен служит источником многочисленных проблем на всех уровнях — от глобального порядка до повседневной жизни индивидов. Именно поэтому его углубленное изучение (как в постсоветской Евразии, так и за пределами региона) необходимо для того, чтобы снизить риски возникновения и усугубления «недостойного правления».

Литература

Авен П., Кох А. (2013), *Революция Гайдара. История реформ 90-х из первых рук*, М.: Апыпина Паблишер.

Агафонов Ю. (2015), Влияние европейской политики соседства на политические режимы стран Восточного партнерства, *Мировая экономика и международные отношения*, № 10, с. 40–49.

Аузан А. (2015), Ловушка «колеи», *Colta.ru*, 4 сентября; <http://www.colta.ru/articles/society/8428> (доступ 29.03.2016).

Буракова Л. (2011), *Почему у Грузии получилось*, М.: Юнайтед пресс.

Волков В., Григорьев И., Дмитриева А., Моисеева Е., Панях Э., Поздняков М., Титаев К., Четверикова И., Шкляр М. (2013), *Концепция комплексной организационно-управленческой реформы правоохранительных органов РФ*, СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге; http://www.enforce.spb.ru/images/Issledovanya/IRL_KGI_Reform_final_11.13.pdf (доступ 29.03.2016).

Гельман В. (2015), *Модернизация, институты и «порочный круг» постсоветского неопатримониализма*, Препринт М-41/15, Центр исследований модернизации, Европейский университет в Санкт-Петербурге; http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (доступ 29.03.2016).

Левада Ю. (ред.) (1993), *Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 80-х — 90-х*, М.: Мировой океан.

Левада Ю. (2006), *Ищем человека: социологические очерки 2000–2005*, М.: Новое издательство.

Магун В., Руднев М. (2010), Базовые ценности россияни и других европейцев (по материалам опросов 2008 года), *Вопросы экономики*, № 12, с. 107–130.

Миронов Б. (2000), *Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.)*, СПб.: Дмитрий Буланин, 2 т.

Панеях Э. (2016), Казнить нельзя помиловать: поступки и ценности россиян, *Inliberty.ru*, 1 марта; <http://www.inliberty.ru/blog/2235-Kaznit-nelzya-pomilovat-postupki-i-cennosti-rossiyan> (доступ 29.03.2016).

Травин Д. (2015), *Теории особого пути России: классики и современники*, Препринт М-43/15, Центр исследований модернизации, Европейский университет в Санкт-Петербурге; http://eu.spb.ru/images/M_center/M_43_15.pdf (доступ 29.03.2016).

Яковлев А. (2015), Стимулы в системе государственного управления и экономический рост (Опыт СССР, Китая и России), *Общественные науки и современность*, № 2, с. 5–19.

Abrams N., Fish M. S. (2015), Policies First, Institutions Second: Lessons from Estonia's Economic Reforms, *Post-Soviet Affairs*, vol. 31, N 6, p. 491–513.

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012), *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Crown Business.

Aslund A. (2007), *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed*, Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.

Bersch K. (2016), The Merits of Problem-Solving over Powering: Governance Reforms in Brazil and Argentine, *Comparative Politics*, vol. 48, N 2, p. 205–225.

Brownlee J. (2007), Hereditary Succession in Modern Autocracies, *World Politics*, vol. 59, N 4, p. 595–628.

Bueno de Mesquita B., Smith A. (2011), *The Dictator's Handbook: Why Bad Behavior is Almost Always Good Politics*, New York: Public Affairs.

Bunce V., Wolchik S. (2011), *Defeating Authoritarian Leaders in Postcommunist Countries*, Cambridge: Cambridge University Press.

Clark W. A. (1993), *Crime and Punishment in Soviet Officialdom: Combating Corruption in the Political Elite, 1965–1990*, Armonk, NY: M. E. Sharpe.

Cooley A., Snyder J. (2015), *Ranking the World: Grading States as a Tool of Global Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.

Corruption (2015), *Corruption Perceptions Index 2015*; <http://www.transparency.org/cpi2015> (доступ 29.03.2016).

Corruption and Governance (n. d.), *Corruption and Governance*, The World Bank Group; <http://lnweb90.worldbank.org/eca/eca.nsf/Sectors/ECSPE/E9AC26BAE82D37D685256A940073F4E9?OpenDocument> (доступ 29.03.2016).

Dawisha K. (2014), *Putin's Kleptocracy: Who Owns Russia?*, New York: Simon and Schuster.

Dekalchuk A. A. (2016), Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared, in V. Gel'man (ed.), *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*, Abingdon: Routledge (forthcoming).

Denzau A., North D. C., 1994, Sharing Mental Models: Ideologies and Institutions?, *Kyklos*, vol. 47, N 1, p. 3–31.

Easter G. (2012), *Capital, Coercion, and Postcommunist States*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Easterly W. R. (2001), *The Elusive Quest for Growth: Adventures and Misadventures in the Tropics*, Cambridge, MA: MIT Press.

Egorov G., Sonin K. (2011), Dictators and their Viziers: Endogenizing the Loyalty-Competence Trade-off, *Journal of European Economic Association*, vol. 9, N 5, p. 903–930.

Erdmann G., Engel U. (2006), *Neopatrimonialism Revisited: Beyond a Catch-all Concept*, Hamburg: German Institute for Global and Area Studies, GIGA Working Paper N 16; https://www.giga-hamburg.de/en/system/files/publications/wp16_erdmann-engel.pdf (доступ 29.03.2016).

Fish M. S. (1998), The Determinants of Economic Reforms in the Postcommunist World, *East European Politics and Societies*, vol. 12, N 1, p. 31–78.

Fisun O. (2015), *The Future of Ukraine's Neopatrimonial Democracy*, PONARS Policy Memos, N 394; <http://www.ponarseurasia.org/memo/future-ukraine-neopatrimonial-democracy> (доступ 29.03.2016).

Freeland C. (2000), *Sale of the Century: Russia's Wild Rule from Communism to Capitalism*, New York: Crown Business.

Frye T. (2010), *Building States and Markets after Communism: The Perils of Polarized Democracy*, Cambridge: Cambridge University Press.

Frye T., Reuter O. J., Szakonyi D. (2014), Political Machines at Work: Voter Mobilization and Electoral Subversion in the Workplace, *World Politics*, vol. 66, N 2, p. 195–228.

Gaddy C. G. (2014), Room for Error: The Economic Legacy of Soviet Spatial Misallocation, in M. R. Beissinger, S. Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 52–67.

Geddes B. (2003), *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*, Ann Arbor, MI: University of Michigan Press.

Gel'man V. (2004), The Unrule of Law in the Making: The Politics of Informal Institution Building in Russia, *Europe-Asia Studies*, vol. 56, N 7, p. 1021–1040.

Gel'man V. (2016), The Politics of Fear: How Russia's Rulers Counter their Rivals, *Russian Politics*, vol. 1, N 1, p. 27–45.

Gel'man V., Marganiya O., Travin D. (2014), *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985-2000: Generations, Ideas, and Changes*, Lanham, MD: Lexington Books.

Gel'man V., Starodubtsev A. (2016), Opportunities and Constrains of Authoritarian Modernisation: Russian Policy Reforms of the 2000s, *Europe-Asia Studies*, vol. 68, N 1, p. 97–117.

Gilman M. (2010), *No Precedent, No Plan: Inside Russia's 1998 Default*, Cambridge, MA: MIT Press.

Golosov G. V. (2013). Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies, *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, N 4, p. 459–480.

Greene S. (2014), *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia*, Stanford, CA: Stanford University Press.

Hale H. E. (2014), *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.

Hedlund S. (2005), *Russian Path Dependence*, London: Routledge.

Hellman J. (1998), Winners Take All: The Politics of Partial Reform in Post-communist Transitions, *World Politics*, vol. 50, N 2, p. 203–234.

Higley J., Lengyel G. (eds.) (2000), *Elites after State Socialism: Theories and Analysis*, Lanham, MD: Rowman and Littlefield.

Howard M. M., Roessler P. G. (2006), Liberalizing Electoral Outcomes in Competitive Authoritarian Regimes, *American Journal of Political Science*, vol. 50, N 2, p. 365–381.

Huntington S. P. (1991), *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*, Norman, OK: University of Oklahoma Press.

Huskey E. (2014), Legacies and Departures in the Russian State Executive, in M. R. Beissinger, S. Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 111–127.

Kotkin S., Beissinger M. R. (2014), The Historical Legacies of Communism: An Empirical Agenda, in M. R. Beissinger, S. Kotkin (eds.), *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press, p. 1–27.

Kryshtanovskaya O., White S. (1996), From Soviet Nomenklatura to Russian Elite, *Europe-Asia Studies*, vol. 48, N 5, p. 711–733.

Ledeneva A. V. (2013), *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.

Levi-Faur D. (ed.) (2012), *The Oxford Handbook of Governance*, Oxford: Oxford University Press.

Levitsky S., Way L. A. (2010), *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press.

Melville A., Mironyuk M. (2016), “Bad Enough Governance”: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies, *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, N 2, p. 132–151.

North D. C. (1990), *Institutions, Institutional Changes, and Economic Performance*, Cambridge: Cambridge University Press.

North D. C., Weingast B. R. (1989), Constitutions and Commitment: The Evolution of Institutions Governing Public Choice in Seventeenth-Century England, *Journal of Economic History*, vol. 49, N 4, p. 803–832.

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. (2009), *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Donnell G. (1999), Polyarchies and the (Un) Rule of Law in Latin America: A Partial Conclusion', in J. E. Mendez, G. O'Donnell, P. S. Pinheiro (eds.), *The (Un) Rule of Law and the Underprivileged in Latin America*, Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press, p. 303–337.

Olson M. (1993), Dictatorship, Democracy, and Development, *American Political Science Review*, vol. 87, N 3, p. 567–576.

Paneyakh E. (2014), Faking Performances Together: Systems of Performance Evaluation in Russian Enforcement Agencies and Production of Bias and Privilege, *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, N 2–3, p. 115–136.

Popova M. (2014), *Politicized Justice in Emerging Democracies: A Study of Courts in Russia and Ukraine*, Cambridge: Cambridge University Press.

Radnitz S. (2012), *Weapons of the Wealthy: Predatory Regimes and Elite-Led Protests in Central Asia*, Ithaca, NY: Cornell University Press.

Reuter O. J., Robertson G. B. (2012), Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments, *Journal of Politics*, vol. 74, N 4, p. 1023–1037.

Rodrik D. (2010) The Myth of Authoritarian Growth, *Project Syndicate*, 9 August; <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth> (доступ 29.03.2016).

Rotstein B. (2012), Good Governance, in D. Levi-Faur D. (ed.), *The Oxford Handbook of Governance*, Oxford: Oxford University Press, p. 143–154.

Schedler A. (2013), *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*, Oxford: Oxford University Press.

Schimmelfennig F., Sedelmeier U. (2004), Governance by Conditionality: EU Rule Transfer to the Candidate Countries of Central and Eastern Europe, *Journal of European Public Policy*, vol. 11, N 4, p. 661–679.

Sharafutdinova G. (2011), *Political Consequences of Crony Capitalism inside Russia*, Notre Dame, IN: University of Notre Dame Press.

Shleifer A., Vishny R. (1993), Corruption, *Quarterly Journal of Economics*, vol. 108, N 3, p. 599–617.

Shleifer A., Treisman D. (2000), *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*, Cambridge, MA: MIT Press.

Starodubtsev A. (2016), How Does the Government Implement Unpopular Reforms? Evidence from Education Policy in Russia, in V. Gel'man (ed.), *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*, Abingdon: Routledge (forthcoming).

Taylor B. (2014), From Police State to Police State? Legacies and Law Enforcement in Russia, in M. R. Beissinger, S. Kotkin (eds.), *Historical Legacies*

of Communism in Russia and Eastern Europe, Cambridge: Cambridge University Press, p. 128–151.

Taylor B. (2015), The Transformation of the Russian State, in S. Leibfried, E. Huber, M. Lange, J. D. Levy, F. Nullmeier, J. D. Stephens (eds.), *The Oxford Handbook of Transformations of the State*, Oxford: Oxford University Press, p. 637–653.

Treisman D. (2000), The Causes of Corruption: A Cross-National Study, *Journal of Public Economics*, vol. 76, N 3, p. 399–457.

Treisman D. (2015), Income, Democracy, and Leader Turnover, *American Journal of Political Science*, vol. 59, N 4, p. 927–942.

Vachudova M. (2005), *Europe Undivided: Democracy, Leverages, and Integration after Communism*, Oxford: Oxford University Press.

Wilson A. (2005), *Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*, New Haven, CT: Yale University Press.

Worldwide, 2016, *Worldwide Governance Indicators, 1996–2014*, The World Bank, Washington, DC; <http://data.worldbank.org/data-catalog/worldwide-governance-indicators> (доступ 29.03.2016).

Zaostrovsev A. (2016), Authoritarianism and Institutional Decay in Russia: Disruption of Property Rights and the Rule of Law, in V. Gel'man (ed.), *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies*, Abingdon: Routledge (forthcoming).

Владимир Гельман

Политические основания «недостойного правления»
в постсоветской Евразии: наброски к исследовательской повестке дня

Препринт М-49/16

В авторской редакции

Корректор — Д. Капитонов

Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге
191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 3А
books@eu.spb.ru

Подписано в печать 12.04.16
Формат 60x88 1/16. Тираж 50 экз.

**Центр исследований модернизации
Европейского университета в Санкт-Петербурге**

Книги, подготовленные сотрудниками М-Центра:

Травин Д., Маргания О. **ЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ**,
в 2 кн. М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2004.

Маргания О.Л., ред., **СССР ПОСЛЕ РАСПАДА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2007.

Добронравин Н., Маргания О., ред., **НЕФТЬ, ГАЗ, МОДЕРНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА**.
СПб.: «Экономическая школа» ГУ ВШЭ, 2008.

Gel'man V., Marganiya O., eds, **RESOURCE CURSE AND POST-SOVIET EURASIA:
OIL, GAS, AND MODERNIZATION**. Lanham, MD: Lexington Books, 2010.

Травин Д. **ОЧЕРКИ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ. КНИГА ПЕРВАЯ: 1985–1999**.
СПб.: Норма, 2010.

Гельман В., Маргания О., ред.,
ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ: ТРАЕКТОРИИ, РАЗВИЛКИ, ТУПИКИ.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011.

Травин Д., Маргания О.
МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ЕЛИЗАВЕТЫ ТЮДОР ДО ЕГОРА ГАЙДАРА.
М.; СПб.: АСТ, Terra Fantastica, 2011.

Гельман В. **ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ. РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛЕ СССР**.
СПб.: БХВ-Петербург, 2013.

Добронравин Н. **МОДЕРНИЗАЦИЯ НА ОБОЧИНЕ: ВЫЖИВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ В XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**. СПб.: Издательство Европейского
университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Стародубцев А. **ПЛАТИТЬ НЕЛЬЗЯ ПРОИГРЫВАТЬ: РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И
ФЕДЕРАЛИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**. СПб.: Издательство Европейского университета
в Санкт-Петербурге, 2014.

Заостровцев А. **О РАЗВИТИИ И ОТСТАЛОСТИ: КАК ЭКОНОМИСТЫ ОБЪЯСНЯЮТ ИСТОРИЮ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014.

Gel'man V., Travin D. & Marganiya O. **REEXAMINING ECONOMIC AND POLITICAL REFORMS
IN RUSSIA, 1985–2000: GENERATIONS, IDEAS, AND CHANGES**.
Lanham, MD: Lexington Books, 2014.

Gel'man V. **AUTHORITARIAN RUSSIA: ANALYZING POST-SOVIET REGIME CHANGES**.
Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2015.

Травин Д. **КРУТЫЕ ГОРКИ XXI ВЕКА: ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ РОССИИ**.
СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.